

Кавказ: кто «свой»? где «чужой»?

(«Кавказский след» в русской литературе)

Начиная разговор о «своём» и «чужом» в контексте многонационального Кавказа, хочется оттолкнуться от слов Владимира Путина из статьи «Россия: национальный вопрос» (из второй статьи в серии, являвшейся частью предвыборной программы кандидата в президенты):

«Мы видим направления предстоящей работы. Понимаем, что у нас есть исторический опыт, которого нет ни у кого. У нас есть мощная опора в менталитете, в культуре, в идентичности, которой нет у других.

Мы будем укреплять наше «историческое государство», доставшееся нам от предков. Государство-цивилизацию, которое способно органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий.

Мы веками жили вместе. Вместе победили в самой страшной войне. И будем вместе жить и дальше...»

Разве можно не согласиться, если нет другого выбора - жить дальше и жить вместе?... И ради счастливого будущего наших детей этой дальнейшей жизни необходимо быть мирной, здоровой, хлебной. Должно дойти наконец до сознания каждого: мы, разные народы, различаемся жизненным укладом, речью, цветом кожи, этическими нормами, но мы - одна страна. И у нас общие ценности: чувство собственного достоинства, стремление к справедливости и свободе, любовь к отчему дому, уважение к старшим, обожание детей, восхищение женщиной, желание сохранить обычаи, традиции, язык... Почему же часто многие воспринимают историческую честь проживать разным народам вместе на одной территории не такой уж почётной? И слишком уж заметно, что в Российской Федерации особый негатив направлен на Кавказ и кавказцев. Почему?

Виноват не Кавказ, и кавказцы не всегда виноваты. Причина ненависти к Кавказу (как и к любому другому региону и его жителям) лежит не в окружающей реальности, а внутри тех, кто не может победить в себе

обширную ограниченность и внутренних врагов: страха перед неразгаданным, ненависти к иному, отсутствие веры в людей и живучее предвзятое мнение, что кавказцы - дикари. Ненависть к Кавказу - это не что иное, как выброс чёрной психической энергии, подпитываемой искажённым предубеждением к «чёрным» и, как следствие, сознательное желание обидеть. Обидеть «чужого», «иного».

Исторический опыт показывает, что россияне плохо знали и знают Кавказ. Приходится думать, много ли изменилось с тех пор, как А.Бестужев писал в «Письме к доктору Эрдману»: «Что сказать Вам о племенах Кавказа? О них так много вздоров говорили путешественники и так мало знают их соседи - русские». Видеть красоту этого края и говорить о чистоте воздуха и горных рек не значит знать его. Знать - значит стремиться познать язык, культуру, традиции, религию народа. Многие великие люди, волей судьбы оказавшиеся здесь в разные периоды истории, узнали и полюбили Кавказ. Полюбили Кавказ с кавказцами. Вот почему я хочу обратиться к авторитетным именам, оставившим «кавказский след» в литературе и искусстве. Цель - напомнить забывшим, что по мере познания жизни горцев, их отношений между собой, культуры, традиций, обычаев, менталитета, вероисповедания убеждённости в «дикости» кавказцев исчезала и рождалось уважение. Да, новому человеку для этого требовались свобода духа и внимательное отношение к убеждениям и интересам других людей, чем могли обладать в условиях войны только единицы.

Максим Горький сказал мудрые слова о том, что «литература легче всего и лучше знакомит народ с народом». Русские писатели – верноподданные человеколюбия, своеобразное звено, соединяющее русский и кавказские народы, их языки и культуры.

О Кавказе русская общественность слышала и узнала благодаря сосланным на Русско-Кавказскую войну декабристам. Были среди них поэты и писатели, которые вдохновились красотой не только Кавказа, но и его жителей. Изучив незнакомый доселе край, они приходили к переоценке

стереотипов относительно горцев, убеждались в том, что здесь живут народы, заслуживающие права на уважение, начинали говорить о необходимости мирного решения проблем на Кавказе. Источником развития их миропонимания и проявления человечности являлись не голые политические интересы, а заинтересованное проникновение в нравственный мир горцев, изучение их быта, языка. А.А. Бестужев пишет в «Рассказе офицера, бывшего в плену у горцев»: «Мы жалуемся, что нет у нас порядочных сведений о народах Кавказа... Да кто же в этом виноват, если не мы сами? Тридцать лет офицеры наши, вместо полезных, или по крайней мере занимательных известий, вывозили с Кавказа одни шашки, ноговицы да доски под чернью... Когда европейцы с таким постоянством рвутся к истоку Нила, как не желать нам, вратарям Кавказа, взглянуть в эту колыбель человечества, в эту чашу, от коей пролилась красота на все племена Европы и Азии... Не говорю – даже как философ, но просто как русский, как солдат: познание Кавказа тесно связано с выгодами нашего отечества». «Кавказских горцев напрасно обвиняют в жестокости, - писал он. - Очень редко были примеры, чтобы они терзали попавшихся им русских даже в пылу гнева или мести, на самом поле сражения. У себя дома горец заботливо промочит раны пленнику, попотчует бузой, разделит пополам черный чурек свой».

Эту особенность отобразил в своём произведении Каламбий (Адиль-Гирей Кешев) в «Записках черкеса»:

«... Господин имеет полное право, когда вздумается, выхватить кинжал и всадить его в грудь дерзкого холопа: никто не потребует за это отчета. Если бы я родился рабом, то, не колеблясь, предпочел бы этот способ расправы систематическому попиранию ногами моего человеческого достоинства, хотя бы оно сопровождалось громким титулом уважения к личности и тому подобными выпренными словами, которым суждено, кажется, вечно оставаться лишь на языке, не обуздывая рук и не проникая в души. Я сам, несмотря на то, что дышал довольно долго европейским воздухом, следовательно, нахватал бездну гуманных идей, научился истинному

уважению к человеку только здесь, в ауле. Когда говорю со своими крестьянами, я беру обыкновенно тоном ниже против того, как говорил, живя в России, со своим денщиком» (Каламбий. Записки черкеса. Нальчик, 1988. С. 186.)

Представляет интерес более поздняя информация из газеты «Народная власть» за 1918 год: «Крепостное право в Кабарде было не так сурово как в других местах, сравнительная легкость крепостного ига в Кабарде объясняется мягкостью национального характера» (Архив КБИГИ. Ф.2. Оп.1. Д.6. Л.13)

Спасавшиеся от большевистской власти беженцы из России считали, что «у Кавказа нет необходимых предпосылок большевизма: вражды между верхами и низами народа, аграрного перенаселения, общей дикости мужицких нравов и пр.» (Чхеидзе К.А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик, 2008. С. 45, 46.)

Русский человек не был в диковинку для горцев. Как известно, русские переселенцы появились на Северном Кавказе в XVI веке. Это были казаки, такие же свободолюбивые люди, как и горцы, не желавшие терпеть притеснения. Традиционное гостеприимство кавказцев, которое не нарушалось ни в коем случае, способствовало тому, что встретили «чужаков» доброжелательно. Они стали «своими», потому что пришли жить, а не воевать. Об этом пишут Ш. М. Казиев, И. В. Карпеев в своей книге «Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке» и приводят слова историка Кубанского казачьего войска Ф. А. Щербина (глава «История с демографией», стр. 3): «При заселении края черноморцы сразу же вступили в дружественные мирные отношения с черкесами. Часть горцев в это время переселилась в Черноморию... Когда впоследствии были нарушены мирные отношения, черноморцы не переставали поддерживать отношения при посредстве меновых дворов, базарных пунктов и русских «ярмарок».

Известный историк и литератор, командир Псекупского полка Кубанского казачьего войска полковник И.Д.Попко пишет в своей работе

«Черноморские казаки в их гражданском и военном быту»: «Вне строя в походном и домашнем быту казаки носят черкесскую одежду, предпочитая её своей форме за лёгкость и удобство покроя ... и прочность сукна. В черкесской одежде, как бы тепло ни оделся, одинаково проворно. Черкесская одежда, черкесское оружие, черкесский конь составляют предмет войскового щегольства для урядника и офицера. Вообще всё черкесское пользуется уважением и предпочтением между казаками».

Черкесы также перенимали у казаков всё, что могло улучшить их жизнь и быт, дружили, роднились. В книге «Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу» (М., 1885, ч 1, стр. 103) говорится: «От смешения с горцами, во время пребывания за Тереком, произошло чрезвычайно красивое племя. Особенно красотой отличаются гребенские казачки: в них поразительно соединение чистого черкесского типа с могучим сложением северной женщины».

Соседство не могло не повлиять на развитие материальной и духовной культуры народов. Следует сказать о важнейшем для горцев влиянии русских: народы Кавказа обнаружили ясное понимание всей пользы просвещения, хотя горячее стремление горцев к образованию получило реальное воплощение после Октябрьской революции 1918 года. Царская администрация не ставила своей задачей образование «диких народов», которых можно было только истреблять. Когда завершилась война с Турцией, Николай I поставил перед Паскевичем задачу: «Кончив таким образом одно славное дело, представит Вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных». Это был самодержавный подход к проблеме - усмирение или истребление непокорных. И касалось всех и везде. Так было и до Николая II. Свидетельствует документ:

"По указу его величества государя императора Александра Павловича самодержца Всероссийского. И прочая, и прочая, и прочая. Показатель сего, ведомства Государственной коллегии иностранных дел коллежский секретарь

Александр Пушкин отправлен по надобностям службы к главному попечителю колонистов Южного Края России, г-ну генерал-лейтенанту Инзову, почему для свободного проезда сей паспорт из оной Коллегии дан ему в Санкт-Петербурге мая 5 дня 1820 года, № 2295..."

Это была ссылка поэта на войну за вольнолюбивые стихотворения и политические эпиграммы. Находясь на Кавказе, поэт не мог влиять на умы просвещённой части русского общества, и желательно было, чтобы пуля полудикого черкеса настигла его. Сразу две выгоды: непокорный истреблён, а его смерть вызовет жестокую ненависть русского общества, лишённого гения, к «хищникам». Пуля горца пощадила Пушкина. И он стал певцом Кавказа. И прежде всего не потому, что воспел красоту природы, а потому что познакомился с бытом, фольклором горских народов, понял, что мужество горцев не есть свидетельство их дикости, а следствие их воли, справедливости, патриотизма.

Пушкин, будучи сам в душе свободен и обладая вдохновением свыше, имел способность нарушать привычные границы и войти в новое измерение. В «Путешествии в Арзрум» он писал: «Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы... Впредь не стану судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям». Он размышляет: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги». Поэт разглядел, что право силы притесняет силу права.

Пушкин не идеализировал горцев. По его мнению, каждый из них готов в ночном мраке напасть на «чужака» и убить его, угнать с казачьей станицы табун лошадей, поймать пленника и получить за него выкуп. Можно считать это осуждением? Чеченцы и адыги жили на своей земле, и их воинственность была выставлена как щит перед врагом, пришедшим их убивать.

Поэт уже предлагал: "Смирись, Кавказ...". Его ведь очаровали не только виды Кавказа и свободолюбие его жителей, но и боевые успехи

А.П.Ермолова. В представлении поэта, будущее горцев предreshено:

И смолкнул ярый крик войны:

Все русскому мечу подвластно.

Кавказа гордые сыны,

Сражались, гибли вы ужасно;

Но не спасла вас наша кровь,

Ни очарованные брони,

Ни горы, ни лихие кони,

Ни дикой вольности любовь!

(А.С. Пушкин "Кавказский пленник" (1822)

Ф.М. Достоевский отмечал "гениальнейшую способность Пушкина перевоплощаться в гении чужих наций", т.е. понять другую нацию, но было бы ошибкой думать, что русский поэт не желал победы русскому оружию. Но гениальность его была в том, что сила разума и развитый дух вынуждали быть предельно объективным в описании того, что видел, изучал.

Виссарион Белинский писал: «...С легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною страною не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страною кипучей жизни, смелых мечтаний. Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем». Но критику, восторженно написавшему о Кавказе и воспевшем его певце, принадлежат и такие строки: «Черкес, плен и мучительное рабство для меня синонимы». Белинский не был на Кавказе, судил по поэме А.С.Пушкина «Кавказский пленник».

Здесь Пушкина изгнание началось

И Лермонтова кончилось изгнание,- писала Анна Ахматова.

Летом 1825 года состоялась первая встреча будущих влюблённых - Лермонтова и Кавказа. Суровый край оставил в душе мальчика, будущего гения, неизгладимый след: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы

взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!...»

В 1837 г. Лермонтов был сослан на Кавказ за стихи на смерть Пушкина. Ещё один непокорный и неугодный, которого необходимо было или усмирить, или истребить. Кавказ стал его поэтической родиной. «Юный поэт заплатил полную дань волшебной стране, поразившей лучшими, благодатнейшими впечатлениями его поэтическую душу. Кавказ был колыбелью его поэзии, так же, как он был колыбелью поэзии Пушкина, и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно величавой природы, как Лермонтов...» (В. Г. Белинский)

В посвящении к поэме «Аул Бастунджи» Лермонтов называет себя «сыном» Кавказа: «Я сердцем твой, всегда и всюду твой». «Жилище вольности простой», «синие горы», «гордые снежные вершины» в стихах Лермонтова противопоставлены «неволе душных городов», «стране рабов, стране господ».

Во время второй ссылки в 1840 году Лермонтов принял участие в военных действиях против горцев, увидел, каковы они в сражениях, узнал, что нет большего позора для горца, чем трусость. Её не прощают мать, друг, невеста. Лермонтов снова был на Кавказских Минеральных водах, на Тереке. Эти путешествия помогли поэту ближе познакомиться с жизнью народов Кавказа, его природой, богатым фольклором. Он встречался с кавказской интеллигенцией, узнавал у них рассказы про старину, записывал народные песни. Встречи и беседы с сосланными на Кавказ декабристами помогали в изучении мировосприятия горцев. Это был подлинный интерес к народу, желание разобраться в причинах происходящих трагических событий.

В свой последний приезд в Петербург Лермонтов говорил А.А. Краевскому, редактору-издателю «Отечественных записок»: «Мы должны жить своею самостоятельною жизнью и внести своё самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою и за французским. Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас еще мало понятны... Там на востоке тайник богатых откровений».

С Кавказом связаны его крупнейшие произведения «Измаил-Бей», «Мцыри», «Демон», «Валерик», «Герой нашего времени», «Дары Терека», «Беглец», «Свиданье» и другие.

Кавказские впечатления воплотились также в живописном и графическом наследии М. Ю. Лермонтова.

Грузинский поэт Г.Туманишвили писал о близости поэта всем народам Кавказа: «Лермонтов не только русский поэт; он, кроме того, поэт кавказский... Если поэт так много заимствовал от кавказской природы и жизни, то не менее ценные дары он принес своей второй родине. Поэтизируя наш край в среде всей образованной части русского общества, он, быть может, более чем кто-нибудь другой, сблизил и сроднил Кавказ с остальной Россией...» (Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. – Тбилиси: Заря Востока 1958. – 578 с.

Источник: http://refio.ru/doc_db7cb2a24c126a54ea9bd5ad747cbaae.html).

И А.С.Пушкина, и М.Ю.Лермонтова влекло к Кавказу объединительная сила - собственное достоинство, которым обладали поэты и которое, как магнит, притягивало людей к горцам. Посланные под их пули, поэты получили смертельное ранение от выстрела совсем других людей, в глазах общества далеко не полудиких и не тёмных. Среди горцев оба великих поэта стали «своими» и остались им до конца.

Лев Николаевич Толстой приехал на Кавказ по собственному желанию. Он спасал себя от пустого времяпрепровождения в светских гостиных, от томительного существования. Декабристы были рагромлены, политическая

реакция свирепствовала. Россия - «страна рабов», «страна господ». Будущий писатель сам объяснил состояние, в котором находился он и, как можно догадаться, вся мыслящая молодёжь 40-х годов XIX века: «...странное николаевское развитие, отрицать тяжело, соглашаться нельзя, жить хочется».

Но почему именно на Кавказ? На этот вопрос ответил военный историк А. Зиссерман, который приехал на Кавказ в 1842 году: «Мне было 17 лет, когда, живя в одном из губернских городов, я в первый раз прочитал некоторые сочинения Марлинского. Не стану распространяться об энтузиазме, с каким я восхищался Аммалат-Бекон, Мулла-Нуром и другими очерками Кавказа, довольно сказать, что чтение это родило во мне мысль бросить все и лететь на Кавказ, в эту обетованную землю, с ее грозной природой, воинственными обитателями, чудными женщинами, поэтическим небом, вечно покрытыми снегом горами и прочими прелестями, неминуемо воспламеняющими воображение семнадцатилетней головы да еще у мальчика».

Была вторая категория молодых дворян, мечтавшая о Кавказе как крае, где можно быстрее добиться чинов. К ним не относятся слова Толстого: «...отрицать тяжело, соглашаться нельзя, жить хочется».

Была и третья. Ф.Ф.Тютчев, русский офицер, журналист и писатель в своей книге «На скалах и долинах Дагестана (Роман из времен борьбы с Шамилем за владычество на Кавказе)» даёт объяснение характера войны России на Кавказе. Фрагмент из этой книги:

- Нам, военным, - вмешался упорно молчавший дотоле один из капитанов, самый младший из всей компании, - нам, военным, этого бояться нечего, я так, откровенно скажу, желаю, чтобы кавказская война продолжалась как можно дольше.

- Это, собственно, почему же? - спросил войсковой старшина.

- Как почему? Да неужели вы не видите, что кавказская война - единственная боевая школа для всей русской армии? Подсчитайте, скольких

дельных военачальников она уже выдвинула, а сколько выдвинет еще. А опыт? На маневрах под Красным Селом небось тому не научишься, чему мы выучиваемся от наших врагов в непрестанной войне с ними. Этого всего мало. Кавказская война нам еще и иную службу служит. Без нее нас бы на маршировке да вахтпарадах давным-давно вконец задушили бы. Только благодаря кавказским войскам, на деле доказывающим, что, не умея маршировать в один носок и "отбрасывать" фокусно ружейные приемы, можно прекрасно бить врага, совершать чудеса храбрости, взбираться на недостижимые кручи и делать пешком чуть ли не по сто верст в сутки.

Оказавшись в театре военных действий, Толстой стал осмысливать причины, порождающие войны. Психология войны – в центре рассказов «Набег» и «Рубка леса».

Толстой, так же, как и Бестужев, и Пушкин, и Лермонтов признает прогрессивность присоединения Кавказа к России, но мирными средствами. Приведем один из фрагментов рассказа «Набег», осуждающих действия царских властей: «Через минуту драгуны, казаки, пехотинцы с видимой радостью рассыпались по кривым переулкам, и пустой аул мгновенно оживился. Там рушится кровля, стучит топор по крепкому дереву и выламывают дощатую дверь; тут загорается стог сена, забор, сакля, и густой дым столбом подымается по ясному воздуху. Вот казак тащит куль муки и ковер; солдат с радостным лицом выносит из сакли жестяной таз и какую-то тряпку; другой, расставив руки, старается поймать двух кур, которые с кудахтаньем бьются около забора; третий нашел где-то огромный кумган с молоком, пьет из него и с громким хохотом бросает потом на землю». Автор показал, как горец, лишённый средств к существованию, бывал вынужден восстать против власти разрушителей.

Среди многочисленных представителей военного сословия в рассказе Л.Н. Толстой не показывает ни одного положительного лица.

«Карабинер, зачем ты это сделал?.. - спрашивает автор карабинера, убившего горскую женщину с ребенком на руках. «Что бы ты сказал, - если бы напали на твою жену и ребенка?»»

Это открытое осуждение бессмысленных убийств, войны. Впервые в «Набеге» Л.Н.Толстой говорит о братстве народов.

В одном из вариантов рассказа «Набег» Толстой записал:

«Как хорошо жить на свете, как прекрасен этот свет! - почувствовал я, - как гадки люди и как мало умеют ценить его, - подумал я. Эту не новую, но невольную и задушевную мысль вызвала у меня вся окружающая меня природа, но больше всего звучная беззаботная песнь перепелки, которая слышалась где-то далеко, в высокой траве.

Она, верно, не знает и не думает о том, на чьей земле она поет, на земле ли Русской или на земле непокорных горцев, ей и в голову не может прийти, что это земля не общая. Она думает, глупая, что земля одна для всех, она судит по тому, что прилетела с любовью и песнью, построила, где захотела, свой зеленый домик, кормилась, летала везде, где есть зелень, воздух и небо, вывела детей. Она не имеет понятия о том, что такое права, покорность, власть, она знает только одну власть, власть природы, и бессознательно, безропотно покоряется ей».

Участие в военных походах против горцев вначале придавали Толстому сил, бодрости, а однообразная жизнь в станице, когда не было военных действий, удручала.

В начале 1853 года он переосмысливает происходящее и пишет в своём дневнике: «Все, особенно брат, пьют, и мне это очень неприятно. Война - такое несправедливое и дурное дело, что те, которые воюют, стараются заглушить в себе голос совести».

Толстой начинает сомневаться в правильности своего участия в этой войне. Человеколюбие, которое легло в основу мировоззрения и убеждений позднего Толстого, получило охранительную и спасительную силу здесь, в горах. Герою рассказа «Набег» трудно понять, «как это человек, который не

имеет против другого никакой злобы, возьмёт и убьёт его, и зачем?» Автор размышляет: «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных?»

И герой рассказа «Казаки» Ерошка против войны:

«И зачем она, война, есть? То ли бы дело, жили бы смирно, тихо, как наши старики сказывали. Ты к ним приезжай, они к тебе. Так рядом, честно да лестно и жили бы. А то что? Тот того бьет, тот того бьет... Я бы так не велел».

Интересна трансформация понятий «свой» и «чужой» в рассказе «Казаки». Казак испытывает меньше ненависти к горцу, который убил его брата, и больше к русскому солдату, которого определили к нему на постой - он закурил его хату табаком. Этот солдат находится здесь, чтобы защищать его станицу, но всё равно он чужой, напоминающий ему торгашей, которые иногда заходили в станицу, и переселенцев-малороссиян, которых казаки презрительно называют «шаповалами».

С горцами у него много общего. Казаки, живя рядом с чеченцами, переняли у них любовь к грабежу и войне, обычай гостеприимства. И у тех, и у других независимый характер, они не знают, что такое крепостной гнёт. У них могут быть столкновения, но ходить в гости к казаку-кунаку или чеченцу-кунаку будут.

Лев Николаевич имел друзей и среди казаков, и среди горцев, доказывая, что люди всегда смогут договориться. Он изучает кумыкский язык и записывает чеченские народные песни, учится джигитовать.

«Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записи того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда. Это было и мучительное и хорошее время. Никогда ни прежде, ни после я не доходил до такой высоты мысли, не

заглядывал *туда*, как в это время, продолжавшееся 2 года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением», — писал он годы спустя.

Уехав в Дунайскую армию, на другое месту службы, он запишет в дневнике: «Я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи – война и свобода».

На Кавказе Толстой впервые нашел свое истинное призвание, «не выдуманное, а действительно существующее, отвечающее его наклонностям», - литературный труд. Здесь написана первая часть задуманного романа - «Детство»; позднее были созданы «Отрочество» (1854) и «Юность» (1856); четвертая часть - «Молодость» осталась ненаписанной. Здесь же были написаны «Святочная ночь» («Как гибнет любовь»), «Записки маркера», начал писать военные рассказы: «Набег», «Рубка леса», начаты «Роман русского помещика», «Казаки», «Дневник кавказского офицера».

По свидетельству самого Толстого, в детстве в семье ему прививали чувство пренебрежения к другим народам, но на Кавказе он понял значение дружбы между народами.

Грибоедов пламенно любил Россию. Его революционный патриотизм не имел ничего общего с великодержавным шовинизмом. С глубоким уважением относился поэт к другим народам и особенный интерес проявлял к народам Кавказа. По словам Пушкина, «он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь» - проститься «с Петербургом и с праздной рассеянностью». И, как и Л.Н.Толстой, уехать на Кавказ. Он приехал в наш край не как путешественник, ищущий приключений: «Вот еще одна нелепость — изучать свет в качестве простого зрителя,- писал он.- Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает... Наблюдать деятельность других можно не иначе, как лично участвуя в делах... Нужно самому упражняться в том, что хочешь

изучать». Великий поэт принимал самое деятельное участие в культурном и хозяйственном развитии Грузии, которую он сердечно любил. Он был у подножья Казбека, на берегу Терека и Куры.

«Одна беда: скудность познания об этом крае бесит меня на каждом шагу» - писал он. Грибоедов мечтал о времени, когда русский народ будет мирно и дружно жить со всеми народами Кавказа.

В. Г. Белинский так говорил о роли Кавказа в литературной судьбе писателя: «Грибоедов создал на Кавказе свое «Горе от ума»: дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзия ее сынов вдохновили его оскорбленное человеческое чувство на изображение апатического, ничтожного круга Фамусовых, Скалозубов, Загорецких, Хлестовых, Тугоуховских, Репетиловых, Молчалиных - этих карикатур на природу человеческую...»

Конечно, молодой дипломат интересовался политической стороной военных событий на Кавказе, участником которых стали окружающие и он сам. Грибоедов считал присоединение всего Кавказа к России единственно целесообразным выходом и для народов Кавказа, и для русских.

В стихотворении «Дележ добычи» Грибоедов отразил своё отношение к горской действительности, в которой наряду со свободолюбием и мужеством трудового народа существовали работорговля, набеги с целью приобретения добычи. Советский литературовед Вл. Орлов пишет: «Не впадая ни в идеализацию, ни в осуждение горцев, Грибоедов стремился реалистически объяснить их характер и поведение условиями быта, национальными традициями и историческим развитием данного народа...».

Советский писатель Леонид Леонов в докладе, прочитанном в юбилейные грибоедовские дни 1945 года, говорил: «Убить Грибоедова, как и Пушкина, сразу он [Николай I] не посмел: негоже русскому царю на глазах у россиян отнимать русских гениев у России. Но он заковал его в чины и ордена и сослал его в таком виде. Только эта вторая поездка в Персию, в которой писатель трагически предвидел свой конец, была особой ссылкой,

когда ссыльный является начальником своего конвоя». Летом этого же года поэт в последний раз пересек Северный Кавказ.

Проблема «свой» и «чужой» оказалась живучей. И имеет «прописку», к сожалению, во всех регионах России. На обложке книги В.Глуцко «Русскоговорящий» изображен старый заброшенный дом с заколоченным крест-накрест окном. Этот дом - бывший Советский Союз. Автор рисунка художник Константин Гуреев.

Дом заколочен, потому что все ушли на фронт воевать с теми, кто только вчера был братом по душе и соседом по территории.

Митя Вакула оказался чужим для всех и везде. В армии его воспринимают как инотело, потому что «тонкокожий, с сердцем всегда набухшим, готовым расцвести каким-нибудь чувством. Последствия классической русской литературы... А жизнь требует здоровых инстинктов. Митя старается приспособиться к требованиям окружающих: умело матерится, сплевывает себе под ноги, говорит «телка». Но всё равно чужой. Вырос в Грузии, но не грузин. Будучи чистокровным русским, на родном языке говорит с грузинским акцентом. Значит, чужой. Он познал нелюбовь к нерусским. И какая же она, эта нелюбовь, была огромна и непобедима ... «Чума. Нелюбовь - как чума». Совсем недавно все народы были братьями...

- Ты сочиняешь свою собственную Россию. Ты былинщик какой-то. Традицию русскую сочиняешь. Ельцина вот поносишь, будто он тебе в борщ плюнул. «Пропил страну, развратил!» За что ты его казнишь? Когда Россия была другой? Когда была трезвой? Неленивой? Некровавой когда была?

- Всегда хотела.

- Но не могла, да?

- А что, если в этом и есть русская традиция? В этом желании? В попытке преодолеть самое себя...

Пятнадцати союзных республик - пятнадцати сестёр не стало. Как теперь русскому, говорящему с грузинским акцентом, жить в зарубежье, в Грузии? «Прошел инкубационный период, время настало, — говорит он.

Время чумы. Заклеивайте крест-накрест окна, вешайте связку чеснока над дверью, созывайте главных шаманов».

Чужим быть страшно.

Народный писатель Литовской ССР Антонас Венуолис доказал, что можно уважать и даже любить другие народы, оставаясь собой. Он называл себя «старым кавказцем». «Свой» для всех народов, проживающих на Кавказе. Славу писателя принесла ему книга «Кавказские легенды». Писатель не раз приезжал на Кавказ, встречался с людьми в Азербайджане, на Северном Кавказе, в Грузии. Он изучал историю, традицию, быт и нравы разнохарактерных народов. Тщательно всё изучив, отразил в своей книге самые существенные, остроконфликтные моменты жизни кавказских народов. Например, обработанная и переложенная им легенда «Скала кровной мести» рассказывает не только о красоте и силе кабардинского народа, но больше о страшном предрассудке кровной мести и газавате - о двух бедах, веками точивших сердца горцев, как ржа ест железо.

Читаю, и ощущение такое, будто написал житель гор: «Это было давно. Это было там, где испокон веков горы подпирают небо, где великий Казбек всегда блистает снегами, словно хаджи в белоснежной чалме, где сонно грезит седой Ошхамахо и вспоминает прошлое земли. Там, где пенный Терек пробирается по Дарьялу, неся свои воды через горы и степи, где над ледниками выют вьюги, а горные откосы пестреют цветами... Где терпел муки Прометей, прикованный высоко к кавказской скале. Кровная месть, страсти и любовь владели там человеком, а человек ими...».

Два лучших друга в одночасье стали врагами и погубили друг друга. И сейчас на горе Бырмамыт, где некогда истребили друг друга два друга, стоит одинокая скала, издали похожая на изваяние двух сцепившихся всадников, одетых в бурки. Эту скалу называют Скалой кровной мести.

В 1904 году будущий писатель приехал на Кавказ для прохождения практики в качестве помощника аптекаря. Он жил в Тбилиси, Орджоникидзе. Затем учёба в Москве, работа провизором в Литве. И неоднократные поездки

на Кавказ в качестве туриста. И каждый раз - очерки и воспоминания, согретые любовью ко всем народам Кавказа.

Есть современное слово «толерантность». Венуолис не был толерантной личностью. Он любил людей, народы, был интернационалистом.

Писатель Михаил Пришвин написал миниатюрный этюд о профессоре музыки Арсении Михайловиче Авраамове, пять лет своей творческой жизни отдавшем Кабардино-Балкарии: «Встретился мне Арсений Авраамов, и я зазвал его к себе. Вот человек с гениальной мыслью по теории музыки, он заключил договор с Кабардой на изучение фольклора.

Сравниваешь с собой, ну, просто обидно! Пойди изучи хозяйство, историю, науку, народ, вождей, природу... А он услышал балкарскую песенку «У Голубых озёр» - и всё! И ещё раз было, сел отдохнуть - едет всадник с гор, стройный человек, едет на коне, ему скучно, и он поёт. Авраамов записал эту песенку - и вот тут вся Кабарда и Балкария!»

Как написал Булат Окуджава, «Каждый пишет, как он слышит, Каждый слышит, как он дышит. Как он дышит, так и пишет, Не стараясь угодить...»

Вот как слышит и пишет известный в своё время журналист Г. Поляновский: «Можно изъездить всю Европу, включая дальние углы её - Балканы, Пиренеи и Скандинавию, и не встретишь такого разнообразия, такого чудесного цветения людей и их песен, как на Кавказе. Даже ограничив себя, проехав лишь по Северному Кавказу, ловишь себя на непрерывном восхищении, удивлении: как многоцветны, неистощимо богаты песни горцев, как жадно впитывают эти песни новые соки, новые веяния, приобретают новое качество. И как удивительно множество песен, их замечательная расцветка, меткость, яркость, глубина, так же удивительна степень нашего незнакомства с ними да и вообще с ростками искусства многонационального Союза (Ж. «Прожектор», 1934, №9, стр. 20).

Все современные проблемы, возникающие на почве национальности и религии, - от удивительной степени незнакомства народов друг с другом.

Россия - наш общий дом. Он будет крепок сохранением индивидуальности каждого населяющего его народа. Писал же Расул Гамзатов: «Люблю, как сын большой страны, тебя, мой маленький народ». Нельзя доверять тому, кто не любит свою малую родину, свой народ, язык своей матери. Нельзя доверять тому, кто презирает другой язык, другой народ, другую религию. От такого человека жди беды.

У кабардинцев есть пословица: «Не все братья рождаются от одной матери». Народы России, хоть и такие разные, но смогут «распри позабыв, в единую семью объединиться». Чтобы продолжилась жизнь. Чтобы наши внуки были счастливы. Чтобы в них не целились, а они не искали врага среди своих.

Со словами политического лидера нашей страны, которыми начинается эта статья, перекликается мысль академика Д.С. Лихачева: «Россию нельзя оторвать и от населяющих ее народов, составляющих вместе с русскими ее национальное тело». Кавказ с кавказцами - часть этого тела, и этот факт не зависит от любви или нелюбви отдельных личностей к этому краю и его жителям.

Все народы, населяющие Россию, должны стать «своими» по отношению друг к другу. А как? Вопрос очень сложный, но многое зависит от каждого из нас. Пока такой ответ: «Давайте согласимся иметь разногласия» (английский писатель Роберт Стивенсон) (разноязычие, разнобытие, разноцветие...).

Хацукова Раиса Алгериевна,
к.п.н., директор Института методики
преподавания языков
Кабардино-Балкарского института бизнеса,
учитель русского языка и литературы
МКОУ «СОШ №2 с.п. Урух»